

Рер. В - 1314

8

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 1 Историко-литературный журнал 2011

Издается с января 1958 года
Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Александр Левицкий (США). Державин как исповедник Пушкина	3
К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. В. ЛОМОНОСОВА	
П. Е. Бухаркин. Литературная позиция М. В. Ломоносова	24
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ П. Я. ДАШКОВА	
Н. Ю. Болотина, Е. В. Иванова. Обзор семейных фондов Дашковых в Государственном архиве РФ	39
Н. М. Полунина. Коллекция П. Я. Дашкова в собрании Государственного Исторического музея	50
И. П. Ерохина. Рисунки с сюжетами русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 годов (из собрания П. Я. Дашкова в Государственном Историческом музее)	55
МАТЕРИАЛЫ ИЗ СОБРАНИЯ П. Я. ДАШКОВА В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ	
Т. В. Сазонова. Сборник прихода-расходных книг Кирилло-Новоезерского монастыря	60
А. В. Романова. Автографы И. А. Гончарова	65
Н. С. Беднев. «Лермонтовский альбом»	68
М. Ю. Степина. Материалы, связанные с Н. А. Некрасовым	70
ПОЛЕМИКА	
А. А. Костян. Дивный новый цифровой мир, или Об источниках «Прибавления к Московским ведомостям»	75

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

TARTU ÜLKOOLI
RAAMATUKOGU

Рер. В - 1314

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Н. Е. Никонова. Письма В. А. Жуковского К. К. Зейдлицу: русско-немецкий диалог	95
Д. Л. Чавчавадзе. Романтизм и классика в размышлениях Гете и Пушкина	110
А. В. Вдовин. Почему «исписался» Белинский? Эстетическая позиция «Современника» в конце 1840-х годов	125
Б. Ф. Егоров. Парные оппозиции и триады у Ф. М. Достоевского и Ю. М. Лотмана	133
В. А. Калитин. Новые биографические данные об А. Ф. Гильфердинге	137
А. А. Асоян. Дантология Веселовского sub specie temporis nostri	143
О. Е. Рубинчик. «Сердце просит роз поблеклых...». Розы у Иннокентия Анненского	154
Л. Д. Зубарев. «Мы по-своему каждый свое ясновидели...». К истории «примирения» А. Блока и Вяч. Иванова	171
Переписка А. В. и М. В. Туфановых: 1920—1940-е годы. Часть 5. Новгород (август 1936 — октябрь 1939) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова) (Продолжение)	183
М. В. Смирнова. Текст-трансформер Андрея Битова, или «Кубик-рубик» одного сюжета	224

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е. В. Иванова. Переписка А. А. Фета: биография в новом ракурсе	238
Д. М. Буланин. Таинство или игра: русская историко-филологическая наука рубежа XIX—XX веков и ее ритуалы	242
Е. В. Булышева. Этапная книга	254

ХРОНИКА

М. Н. Нечаева. Семинар «„Убить Чарскую...“: этические и поэтические парадоксы советского творчества для детей (20—30-е годы)»	258
Т. Б. Трофимова. Круглый стол «Вторые академические собрания сочинений русских писателей»	265
Н. Ю. Меньшенина. П. Я. Дашков и его собрание: к 100-летию со дня смерти собирателя	268
М. А. Федотова. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Ростове Великом	272
А. Г. Гродецкая, С. М. Климова. Сто лет спустя: VII Международная научная конференция в Ясной Поляне	280
А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова. Памяти Ильи Захаровича Сермана	286

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор В. Е. БАГНО

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора), А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции), Н. Н. КАЗАНСКИЙ, В. А. КОТЕЛЬНИКОВ,
Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, С. И. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. И. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

Телефон/факс (812) 328-16-01

e-mail: rualiter@mail.ru

Санкт-Петербург
Издательство «Наука»

© Российская академия наук, 2011 г.
© Редакция журнала «Русская литература» (составитель), 2011 г.

В 18
сти, как
Держави
гда прои
показать
и самого
именно п
итогах б
стихотво
(«Отцы
му»), IV
в конце
21 август
ник себе
«Камен
ведения
под назв
нием «В
объедин
цикл, и
Взаим
рами, и
отмечен
мосвязь
что Пуш
цикл» л
дующем
(I.)
(II.)
(III.)
(IV.)
(V.)
(VI.)
По м
ным дни
считает
думчив,
«Памяти
1 См.
ются в те
2 Дав
Indiana Un

коллективом. Более того, писатели будут возжелать чистоты и благородства, которые они сейчас предадут сожжению».³⁰ Гетевский прогноз был достаточно реалистичен всем последующим развитием западной литературы, в ходе которого критическое вытеснение романтизма чередовалось с возобновлением существующих особенностей, иногда даже с их усугублением.

Г. Брех находил в позднем творчестве Гете, совпадающем с закатом романтизма, поиски «совершенно новых форм» для воссоздания «бытия в полном смысле» («Totalität des Daseins»).³¹ Во всяком случае теоретические суждения Гете этот период явно свидетельствуют о его сосредоточенности на такой задаче. Он был шагом вперед по сравнению с веймарским классицизмом, сохранившим принцип нормативности: в них проявилась идея подчинения художественным средствам универсальности содержания. И если учесть, что в своих мыслях об универсальном Гете опирался на новейшие научные и философские открытия второй трети XIX века, так или иначе подтверждавшие диалектику мироустройства, стоит заключить, что для него творчество уже не могло укладываться в традиционные правила классицистической поэтики, которые ограничивали, так сказать, выходы за смысловую сторону произведения.

Можно предположить, что в понимании Гете универсальное содержание не было охватывать и причинно-следственную связь явлений разного рода, которая является феноменом человека. Ориентиром для литературы, какой она должна быть, выбрал теорию «многообразия видов» Жюффруа де Сент-Илера,³² как и Бальзаковский ученому роман «Отец Горнио». По-видимому, Гете улавливал единство в бальзаковских сочинениях и потому защищал их «природность».³³

Пушкина, напротив, раздражала «вычурность»³⁴ Бальзака, ставшего уже тогда популярным и в России. Русской литературе еще только предстояло возникнуть во всей художественной весомости — как национальной и европейской, и Пушкин в своем анализе творческих исканий Запада намечал ее будущее, руководственным, чем у Гете, может быть, более конкретизированным идеалом. Исследователи отмечают, что у него универсальное изображение подразумевало глубину образа «современного человека» в сочетании с полным жизнеподобием, на широком историческом фоне.³⁵ Тот фон, который создал в своих произведениях Бальзак, в русской действительности еще не мог ощущаться как исторический, и именно поэтому французский писатель по русским эстетическим меркам был не более чем «Гомер Сен-Жерменского предместья, знакомого ему только с улицы»,³⁶ как пишет несколько позднее о Бальзаке Белинский. «Лесажи и Вальтер Скотт, а не Бальзак и Жюль-Жанен» представлялись Пушкину теми, у кого надо учиться «правильно выражать обывательные предметы».³⁷ Заметим, что в приводимом высказывании на уровне образцового, то есть классического, вновь упоминается Скотт, кто «не мог не быть романтиком».

Полемика с романтизмом, протекала ли она в Германии или в России, имела перспективу постоянных поисков, обновляющих и дополняющих лучшие старых художественных норм. Именно так рождалось новое понятие о классическом образцах, без которых не может развиваться литература.

³⁰ Там же, С. 604.

³¹ Borch H. Dichten und Erkennen. Zürich, 1955. Bd 1. S. 206.

³² «В Жюффруа де Сент-Илере мы отыскали и на долгие времена имеем могучего союзника» (Искерман И. П. Указ. соч. С. 622).

³³ См.: Kanzler Friedrich von Müller. Op. cit. S. 207.

³⁴ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. X. С. 116.

³⁵ Например: Дебречени П. Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина. СПб., 1993.

³⁶ Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1962. Т. 3. С. 115.

³⁷ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. X. С. 116.

© А. В. Вдовкин

ПОЧЕМУ «ИСПИСАЛСЯ» БЕЛИНСКИЙ? ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО» В КОНЦЕ 1840-х ГОДОВ¹

В апреле 1847 года, за год до смерти В. Белинского, его старый друг В. П. Боткин сообщил А. Краевскому о том, что считает «литературное поприще Белинского окончательным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта, и больше знания. Еще о русской литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутинной), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо».²

Что побудило Боткина так строго аттестовать главу целой «литературной школы»?³ Только ли он в тот момент полагал Белинского «исписавшимся»? Отразились ли это мнение на позиции «Современника» после 1848 года? Эти вопросы вернутся к главной, до сих пор не решенной проблеме — эстетической программе некраевского журнала после смерти Белинского,⁴ а шире — к проблеме эволюции «критического языка». Речь пойдет о том, как друзья и ученики Белинского отнеслись к его поздним идеям и почему в восприятии многих из них творческая смерть критика наступила раньше, чем физическая.

Вначале суммируем все, что известно об отношениях Учителя с его московскими и петербургскими последователями. Разрыв Белинского с Краевским и проект выкупа «Современника» у Плетнева потребовали от всех знакомцев критика сделать свой выбор. Жители северной столицы, Некрасов с Панаевым, призывали москвичей порвать с «вампирами» Краевским, но те не спешили. Как известно, московские сотрудники «Современника» (Герцен, Катчер, Грановский, Огарев, Сатин, Кавелин, Боткин и др.) обвинили Некрасова в эксплуатации Белинского.⁵ Однако мы полагаем, что за недовольством экономикой журнала скрывались более существенные эстетические и идеологические разногласия. Так, например, А. Д. Галахов предпочел остаться у Краевского в том числе потому, что, как и Боткин, видел в критике Белинского много недостатков. В письмах редактору «Отечественных записок» 1846 года он отдавал предпочтение В. Н. Майкову за его более основательную ученость, знание языков, более ровный тон: «В библиографических статьях (Белинского. — А. В.) была резкость, игривость, доходившая иногда до преувеличений, но и до преуменьшений (...). Это недостаток Белинского, который в самой умной статье скажет непременно что-нибудь такое, с чем нельзя согласиться при всем уважении к автору, что-то слишком шокирующее ум».⁶

¹ Считаю приятным долгом поблагодарить К. Ю. Зубкова, Л. Н. Киселеву, Н. Н. Мазур, А. Л. Ошовата и Л. Л. Пильда за полезные замечания и советы.

² Письма В. П. Боткина к А. А. Краевскому // Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 г. СПб., 1893. Приложение. С. 79.

³ В исследовательской литературе скептическое отношение Боткина к Белинскому обычно объясняется его «рenegатством». См., например: Евгений Максимов В. Е. «Современник» в 40—50-х годах. Л., 1934. С. 76—78; Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Жизнь и творчество. 1842—1848. М.; Л., 1967. С. 422—424; Егоров Б. Ф. Боткин — литератор и критик. Статьи // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1963. Вып. 6. С. 62—65.

⁴ О литературной программе журнала в 1848—1850 годах существует немного работ. В. А. Кошелев считает, что широта и пестрота идейной позиции и была тактикой журнала («Современник» // Нечаева В. А. Из истории полемики вокруг первых статей некраевского «Современника» // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. X. С. 13). М. С. Макеев убедительно реконструирует новаторскую экономическую организацию журнального дела Некрасова (Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и предприниматель. М., 2009; глава 5).

⁵ Свод мнений см.: Летопись жизни и деятельности Н. А. Некрасова. СПб., 2006. Т. 1. С. 247, 256, 259 и др.

⁶ Белинский в неизданных письмах А. Д. Галахова к А. А. Краевскому // Публ. М. Клемина // Вестник Восточного института. М., 1924. С. 147.

В тех же письмах Галахов упоминает и мнение П. В. Анненкова, который, по его словам, вообще считает, что вместо перебежек из одного журнала в другой Беллинскому следовало, наконец, заняться своей «Историей русской литературы». Недовольство Беллинским косвенно выразил и молодой К. Д. Кавелин, критикуя свой его «подлые» статьи, но ошибкой принимая их за Некрасовские.⁸ Эти снисходительные оценки москвичей находят подтверждение и в воспоминаниях Анненкова, сделанных им в своем дневнике: «Многие из друзей уже относились к упадку умственного поворота, замечаемый в направлении Беллинского, и выражали опасение, что он разитесь на разрушение по частям тех начал, которые окрашивали так долго и крепко его собственную деятельность».⁹

Менее сдержанный мемуарист И. И. Панаев также глухо обмолвился о том, что «некоторые господа, мнением которых Беллинский дорожил некогда, нечаянно поговоривать, что он исписался, что он повторяет зады, что его статьи длинные, вялые и скучны».¹⁰ И Анненков, и Панаев, несомненно, имели в виду не только жеманничанья, но и петербургскую редакцию «Современника». Тут следует напомнить, что программная статья Беллинского в № 1 журнала за 1847 год, по воспоминаниям Анненкова, вызвала полное недоумение новой редакции своими откровенными сдвоенностями к славянофилам, критикой утопизма в ранее превозносимых романах Жюль Санд, призывом к решению насущных социальных проблем с помощью литературы.¹¹ В условиях цензурных репрессий весны 1848 года подобной безрассудности «невзвешенного Виссариона», надо думать, заставляло волноваться не одного проницательного и осторожного Некрасова.

В 1874 году А. Н. Пыпин, работая над биографией Беллинского, попросил Анненкова прокомментировать «темные» места из его воспоминаний. Тот, в сущности повторяя, поведал, что новая редакция «не хотела и слышать об изменении отношений Беллинского к славянофильству», поэтому «многие из его заметки он вовсе не принимала», на что критик жаловался Анненкову в Зальцбрунне.¹² Главным зачинщиком такой тактики, по словам Анненкова, был Боткин, советовавший «просто не печатать последних обзоров Беллинского, говоря — „нельзя же из уважения к прошлому принимать все маразмы окончательного исписавшегося и дошедшего господина“».¹³ Анненков объяснил кажущуюся двойственность суждений, исключительно откровенными, отношениями внутри кружка, когда Боткин в это же время собирал деньги на лечение Беллинского и в лицо другу критиковал его статьи. Личная приязнь психологически объясняет поведение Боткина, но не его позицию.¹⁴

Более справедливо, на наш взгляд, объяснение А. Л. Осповата, который пишет, что для Боткина эстетика Беллинского приобретала «все более доктринальный характер. (...) Возникло ощущение довольно значительного зазора между взгля-

⁸ Там же. С. 146.

⁹ Летопись жизни и деятельности Н. А. Некрасова. С. 265.

¹⁰ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 338.

¹¹ Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., Л., 1950. С. 313.

¹² Из воспоминаний Анненкова следует, что неприятие Некрасова вызвала также высокая требовательность Беллинского в оценке «Воспоминаний» Ф. Вулгарина, положительное же отношение к историке Некрасову пришлось до неузнаваемости переправить» (Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 338). Вмешательство Некрасова в текст статей Беллинского 1847–1848 годов и их разногласия подробно рассмотрены в статье В. В. Мельгунова «История — редактор Беллинского» (Русская литература. 1995. № 2. С. 139–147), однако истинность воздерживается от далеко идущих выводов.

¹³ Анненков о Беллинском. Письма к А. Н. Пыпину 1874 г. // Лит. наследство. 1963. Т. 41. С. 351.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Письма Беллинского Боткину 1847 года объясняют глубокую личную приязнь проницательных идеологических трендах. См.: Беллинский В. Г. Поли. собр. соч.: В 13 т. М., 1951. Т. 13. С. 404–406. Далее ссылки на это издание даются в тексте с пометой «Письма» и указанием тома и страницы.

сильными положениями и естественным, непредвзятым восприятием искусства».¹⁵ В самом деле, критика Боткиным концепции позднего Беллинского вытекала из идеи «практического», дальнего подхода к искусству.¹⁶ Вот что он писал Анненкову 26 ноября 1846 года: «Беллинский, почти освобождаясь от гегельянских теорий, еще крепко сидит в художественности, и от этого его критика еще далеко не имеет той свободы, оригинальности, того простого и дальнего взгляда, к которым он способен по своей природе. Это слово „художественность“ здесь грустно поразило отвыкший от него слух мой».¹⁷

Запомним это отрицание художественности, мы вернемся к нему позже. В тот момент Боткин возлагал большие надежды не на Беллинского, все еще опиравшегося на устаревшую, с его точки зрения, эстетику Гегеля, а на В. Майкова, «не зарыженное немецкими теориями» и давшего «Запискам» «идеологию», что на языке Василия Петровича означало обращение к интересам «практического мира».¹⁸ Таким образом, в 1846–1849 годах его нельзя назвать человеком «Современника». Критический отдел журнала в это время оказался в руках петербургских сотрудников — Некрасова, Панаева и Дружинина. Как ни странно, их далеко не однозначное отношение к Беллинскому наименее изучено. Известно, что частые размолвки Некрасова с Беллинским, ухудшающееся здоровье критика и планы отъезда на лечение побудили Некрасова в апреле 1847 года заполучить в сотрудники В. Майкова.¹⁹ В июне того же года Беллинский писал жене, что подумывает переехать обратно в Москву (Письма 12, 374). Решающей причиной был, конечно, плохой питерский климат, но в письме он особо подчеркивал свое «безразличие» к Некрасову, недовольство им (Там же). Некрасов же, по-видимому, делал ставку на перспективного В. Майкова с его иным, позитивистско-антропологическим направлением, но жизнь молодого критика трагически оборвалась летом 1847 года.

Настороженное отношение новой редакции «Современника» к идейным метаморфозам умирающего Беллинского позволяет совершенно иначе оценить стратегию журнала. Панаев с Некрасовым (и возможно, Анненков) оказались в оппозиции не только к москвичам, но во многом к самому Беллинскому. У нас есть все основания говорить о его «идейной изоляции» в последний год жизни.²⁰ После смерти Беллинского, в приближении которой москвичи винили Некрасова, на место главных критиков «Современника» заступили Анненков и молодой Дружинин, а чьи статьи на первых порах и формулировалась литературная позиция журнала.²¹ Ее ключевым пунктом стала полемика с направлением «Отечественных записок», названная обозревателем «Москвитинина» «расколом в натуралистах».²²

Беллинский, видимо, недооценивал растущие противоречия внутри так называемой «натуральной школы», когда в ноябре 1847 года писал Боткину о том, что «направление „Отечественных записок“ одно с „Современником“» (Письма 13, 413). На самом деле это было, конечно, заблуждением: с осени 1846 года нарастало охлаждение круга Беллинского к Достоевскому, а начало 1847 года прошло в по-

¹⁵ Осповат А. Л. Короткий день русского «эстетизма» (Боткин и Дружинин) // Литературная учеба. 1981. № 3. С. 187.

¹⁶ В 1842–1845 годах Боткин читал Фейербаха и Канта, разделяя некоторые положения их философии. Подробнее об этом см.: Георгий Б. Ф. Боткин — литератор и критик. С. 53–60.

¹⁷ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 261.

¹⁸ Там же. С. 256.

¹⁹ См. его письмо Краевскому с уведомлением о параллельном сотрудничестве в «Современнике»: Некрасов Н. А. Поли. собр. соч.: В 15 т. СПб., 2000. Т. 15. Кн. 2. С. 268.

²⁰ Впервые это мнение обосновано в содержательной статье О. А. Богдановой «Философия и эстетические основы „натуральной школы“» («Натуральная школа» и ее роль в становлении и эстетические основы „натуральной школы“» // Литературная школа. СПб., 1997. С. 31).

²¹ Отдел критики в «Современнике» в тот момент испытывал большие трудности. Ср. письмо Некрасова Никитенко от 26 марта 1848 года и Тургеневу — зимой 1848–1849 годов, и особенно от 9 января 1850 года.

²² Москвитинини. 1849. № 2. С. 55–56 (Отд. «Смесь»).

мире критика с идеями В. Майкова. Тем не менее только после смерти Белинского «Современник» в лице Анненкова решительно заявил о неприятии литературной школы журнала Краевского в целом.²³

Рассмотрим программную статью критика «Заметки о литературе 1846 года» с точки зрения полемики с «Отечественными записками», обращая внимание на то, какие идеи Белинского и как в ней были использованы.

Прежде всего Анненков, определяя отношение «Современника» к самому лучшему из молодых авторов «Отечественных записок» Ф. М. Достоевскому, назвал его манеру «фантастически-сентиментальным родом повествования». Она беспощадно осуждалась критиком за «противохудожественность». Он Белинский понимал «художественность» в духе гегелевской эстетики,²⁴ где прекрасное в искусстве было жестко противопоставлено прекрасному в природе. Согласно Гегелю, «искусство преодолевает природу»,²⁵ перерабатывает и преобразует ее средством духа, поэтому «задача художественного произведения состоит в том, чтобы постигнуть предмет в его всеобщности и опустить в его внешнем явлении то, что с точки зрения выражения содержания представляется чем-то внешним и безразличным. В своих формах и способах выражения художник употребляет далеко не весь материал, найденный им во внешнем мире».²⁶ В статье «Стихотворения М. Лермонтова» (январь 1841) Белинский писал: «Что действительно, то разумно, и что разумно, то и действительно: это великая истина; но не все то действительно, что есть в действительности, а для художника должна существовать только разумная действительность. Но и в отношении к ней он не раб ее, а творец, и не она водит его рукою, но он вносит в нее свои идеалы и по ним преобразует ее» (4, 493). Как мы видим, критик отказывается здесь от своего «примиренчества» и по сути неверного толкования важного постулата философии Гегеля, но предлагает следовать его теории художественности, усвоенной из переводных статей гегельянца Рётшера и конспектов М. Каткова. То, что Белинский и в 1848 году провозгласил сходного воззрения, следует из последнего обозрения «Взгляд на русскую литературу 1847 г.». Здесь критик настаивал на том, что одного умения «списывать верно с натуры» для художника недостаточно: он должен уметь «явления действительности провести через свою фантазию» (10, 303), т. е. преобразить их.²⁷ Исходя из такой трактовки, Анненков находил множество «антихудожественных» отклонений в повестях Достоевского и тем самым, конечно же, напоминал читателям об аналогичном отношении подднего Белинского к фантастической манере «Двойника». Нам думать, анненковская негативная оценка была инспирирована и Некрасовым, который выразил более чем сдержанное отношение к таланту Достоевского в своей редакционной правке статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года».²⁸

²³ Анненков писал, что из всех журналов одни «Записки» имеют «единство мысли и цели», из чего следовало, что только они являлись серьезным конкурентом для «Современника».

²⁴ Современник, 1849. № 1.

²⁵ Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000. С. 31.

²⁶ О трактовке художественности у Анненкова в 1850-е годы см.: Ермилова Г. Г., Тарасов В. В. П. В. Анненков — литературный критик // Русская литература. 1995. № 4. С. 31—41.

²⁷ Гегель Г. В. Ф. Эстетика. М., 1968. Т. 1. С. 173.

²⁸ Там же.

²⁹ Подробнее о понятии художественности у Белинского и его немецких источниках см. Terras V. Belinskij and Russian Literary Criticism: The Heritage of Organic Aesthetics. Madison: University of Wisconsin Press, 1974. P. 77—91 (Part «Art and Objective Reality»); Соболев П. В. Эстетика Белинского. М., 1978. С. 69—80. О том, что Белинский и в конце 1840-х годов остался в эстетике гегельянцем, писал Г. Шпет (см.: Шпет Г. К вопросу о гегельянстве Белинского) Шпет Г. Очерк развития русской философии. П. Материалы / Реконструкция Т. Г. Щедриной. М., 2009. С. 174—175).

³⁰ Прояв статью Белинского, Некрасов заменил все эпитеты «необыкновенный, большой талант» на «сильный», сняв упоминания о «быстро сделанной славе» писателя (Некрасов П. А.

Анненков экстраполировал сентиментальную манеру автора «Бедных людей» на всех вкладчиков «Отечественных записок» — особенно на Я. Вутова и М. Достоевского. Он упрекал их в «механическом воспроизведении типов», ведущим к извращению психологических характеров. Такую манеру Анненков назвал «псевдорелизмом», или «ограниченно понатым реализмом».³¹ Хотя понятие «реализм» критиком не раскрывалось, из его негативных характеристик следовало, что реализм понимался Анненковым как изображение «действительного бытия», «зоркое изучение разнородных явлений нашей общественной, психологической, нравственной жизни».³² Критик намекал,³³ что в статьях Белинского иногда не было призыва к «псевдорелизму». Тем самым подлинным наследником критика объявлялся «Современник», а линия «Отечественных записок» представляла как искажение наследия Учителя.

Еще одна идея, восходящая к покойному критику, заключалась в одобрении «среднехудожественных» беллетристических текстов типа «Записок охотника» И. Тургенева. Требование одних «художественных» текстов обернулось бы, по мнению Анненкова, «фанатизмом художественности». Напомним, что типология беллетристических и художественных талантов была придумана Белинским, в частности, для того, чтобы снять противоречие между условием художественности, свободы творчества, с одной стороны, и дидактизмом и социологизмом — с другой. Развивая в рецензии на «Опыт русской литературы» А. В. Никитенко (1845) противопоставление художественной литературы и беллетристики, Белинский подчеркивал, что в отличие от бессмертных произведений «в беллетристике выражаются потребности настоящего, дума и вопрос дня» (9, 161), поэтому изображение беллетристом «действительности» верное «реальному направлению» является достаточным условием, а художественность в данном случае — необязательным и второстепенным.

Между тем Анненков твердо держался критерия художественности в оценке романов Гончарова и Герцена. Их направление критик характеризовал как «отсутствие условных типов, стремление пробить наружную оболочку жизни, на которой еще держится псевдорелизм, и проникнуть в извилины ее, откуда все из помянутых писателей успели вынести образы живые».³⁴

Таким образом, в статье Анненкова выстраивались два ряда оппозиций. Во-первых, «противохудожественный» «фантастически-сентиментальный род» школы Достоевского противопоставлялся подлинно художественному изображению «живых образов» и «живых» характеров в прозе Гончарова, Тургенева и Герцена. Во-вторых, то же самое на метауровне описывалось как противостояние псевдорелизма и реализма.

Задумавшись о выборе понятий в статье Анненкова. Почему критик ни разу не употребил словосочетания «натуральная школа», предпочтя ему редкое слово «реализм», ранее не применяемое собственно к литературе? У Белинского и Майкова «натуральная школа», как правило, противопоставлялась «ре(и)сторической».³⁵ Анненков, напротив, обозревал школу изнутри, и его задачей было показать, что «Современник» существует два принципиально разнородных течения — «реализм» «Современника» и «реализм» «Современника».

Поля, собр. соч. СПб., 1997. Т. 13. Кн. 2. С. 121—124). Тем самым «Современник» пытался скорректировать «раздутую» им славу Достоевского, который стремительно отклонился от траектории, начертанной в статьях Белинского. Подробнее об этом см.: Мухомов М. С. Указ. соч. С. 71—93.

³¹ Анненков П. В. Критические очерки. С. 40.

³² Там же. С. 40—41.

³³ Имени Белинского в печати называть было уже нельзя.

³⁴ Анненков П. В. Критические очерки. С. 47.

³⁵ См., например, это противопоставление во «Взгляде на русскую литературу в 1847 году» Белинского (8, 345) и в статье «Нечто о русской литературе в 1845 году» В. Майкова (Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985. С. 183—184).

временника» и «псевдореализм» «Отечественных записок»,³⁶ Таким образом, требование Анненковым понятия «реализм» на деле было тактическим и тактическим ходом, сигнализирующим о том, что никакой единой «натуральной школы» больше не существует. Иными словами, анненковский термин «реализм» должен был «отменить» то, что и понятие часто называют «натуральной школой» — «сентиментальный натурализм» (А. Григорьев).

Заявление Анненкова, конечно же, шло вразрез с последним выводом Белинского о господстве «натуральной школы» в русской литературе (10, 287—288), равно как и с позицией А. Д. Галахова в «Обзоре русской литературы 1847 г.»³⁷ напечатанном в «Отечественных записках».³⁸ Поклонник Белинского должен был неприятно поразить и финал статьи Анненкова. Явно намекая на «неистового Есавариона», Анненков писал об ошибке, в которую впал «один критик», пришедший к неверному значению некоторым произведениям и «нравственному и художественному их влиянию», и тем обманувшему ожидания многих.³⁹ Речь здесь, судя по всему, шла о Гоголе, о расхождении его религиозного направления с трактовкой Белинского⁴⁰ и о заблуждениях критика, преувеличившего роль автора «Мертвых душ» в современной литературе.

Если вспомнить, что в своем последнем годовом обзоре Белинский назвал литературу без «главы», «детронировав» Гоголя, то финал статьи Анненкова может быть прочитан как прощание с гоголевским периодом, а вместе с ним — с заблуждениями Белинского. Не случайно, как кажется, в статье упоминался Пушкин как «недосягаемое исключение» художественности,⁴¹ а о Гоголе не говорилось ничего, кроме сравнения дебюта Дружинина с гоголевским.

Эстетическая позиция нового «Современника» была обозначена и вторым главным критиком журнала — А. В. Дружининым — в «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике». Главное недовольство фельетониста вызывало требование «художественности»: «Боже мой, не думайте о художественности: она придет сама. (...) Я повторю то, что сказал один раз: „имейте вкус, ум и жизненную опытность“ (...) Русская критика заставила меня ненавидеть слово „художественность“, в том смысле, который придан был этому слову. (...) В художественности, превратившись в понятие, нахожу я причину, по которой русская беллетристика идет все более и более. (...) Художественность есть критическая схоластика. Погоня за художественностью ведет к тесному гулянию по микроскопическим уголкам бытия, к фантастическому роду, к выворачиванию своей души наизнанку».⁴²

Сравнение с «критической схоластикой» явно перекликается с боткинским негативной интерпретацией художественности. Под ней Дружинин подразумевает чрезмерно догматичные и умозрительные требования, которые критики-друзья — и Майков, и Белинский — диктовали авторам, призывая к социологизму и натурализму. Следует подчеркнуть, что дружининская идея ложно понятой художественности совпадает и с понятием «псевдореализма» у Анненкова, на что фельетонист сам указал в письме иногороднего подписчика за январь 1849 года.⁴³

³⁶ Впервые на жесткое разграничение «реализма», с одной стороны, и «натуральной школы» — с другой, в статье Анненкова обратил внимание К. Штейнле. См. Steinhilber K. Aesthetisches Denken in Russland. Kultursituation und Literaturkritik. Berlin, 1973. S. 201.

³⁷ Примечательно, что еще в 1846 году идеолог «сентиментального натурализма» В. Майков заявил, что «натуральная школа не представляет единства эстетических принципов». См. Майков В. Н. Указ. соч., С. 70.

³⁸ Отечественные записки. 1848. № 1. Отд. V. С. 11.

³⁹ Анненков П. В. Критические очерки. С. 55.

⁴⁰ На этот намек впервые обратила внимание О. А. Богданова (Богданова О. А. Указ. соч., С. 32).

⁴¹ Анненков П. В. Критические очерки. С. 44.

⁴² Современник. 1849. № 5. С. 137, 139 (Отд. «Смесь»).

⁴³ Дружинин А. В. Собр. соч. СПб., 1865. Т. 6. С. 39.

актом критики у Дружинина также становится жанр филологического очерка («микроскопические уголки общества») и сентиментальная манера повестей Достоевского⁴⁴ (фантастический род и выворачивание души наизнанку). В первом письме иногороднего подписчика за декабрь 1848 года Дружинин называл «Слабое сердце», «Хозяйку» и «Двойника» «темными, многословными и скучноватыми», а прочем хвалит «Белые ночи» — лучшее произведение «Отечественных записок» конца 1848 года.⁴⁵

Круг авторов «Отечественных записок» и особенно последователь Майкова, естественно, воспринимали такую критику «Современника» негативно, поскольку их эстетика имела иные философские основания. Если Белинский следовал за гегелевской концепцией художественности, то для Майкова, ориентированного на философию Л. Фейербаха, «художественные формы были тождественны формам действительности».⁴⁶ Признание «естественности основой изначного» алекло за собой полную свободу в изображении «всякой действительности», но при одном условии — берном «угадывании» ее «симпатической стороны».⁴⁷ Источником творчества Майков считал цельную и гармоничную натуру человека, поэтому в эстетике критика не было жесткого противопоставления «художественной» и «беллетристической» литературы, а трехступенчатая типология гения и таланта Белинского и вовсе казалась ему бессмысленной.⁴⁸ На источники такой концепции Майкова однозначно указывала переводная статья ученика Гегеля Германа Геттнера «Против спекулятивной эстетики» (в русском переводе — «Курс эстетики, или Наука изначного. Соч. В. Гегеля»), напечатанная в «Отечественных записках» 1847 года, вероятно не без вмешательства критика.⁴⁹

Левогегельянец и адепт антропологической философии Фейербаха, Геттнер выступал против умозрительности и «вредного влияния идеалистических отголосков»⁵⁰ гегелевской эстетики. В отличие от старой теории, отвергавшей существование прекрасного в природе, новая эстетика, согласно Геттнеру, понимала искусство как «чувственно-наглядный способ мышления и выражения»⁵¹ и вводила ее сферы природы и человеческой деятельности в область изначного.⁵² Таким образом, публикация статьи Геттнера вписывала журнальные баталии о художественности в широкий европейский контекст и одновременно создавала предпосылки для очередного сдвига в понимании ключевых эстетических понятий, который наблюдался в русской критике.

Важно отметить, что не один Майков в «Отечественных записках» отличался на эстетические споры. В качестве суждений прочих сотрудников о художественности можно привести слова А. Н. Плещеева и Ф. М. Достоевского. Первый в 1847 году называл журнал Некрасова средоточием «людей, уничтожающих худо-

⁴⁴ Об отношении Дружинина к раннему Достоевскому см.: Осолова А. Э. А. В. Дружинин и молодой Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 186—190. Исследователь подчеркивает, что оценка Дружининым некоторых повестей Достоевского шла вразрез с мнением Белинского.

⁴⁵ Дружинин А. В. Собр. соч. Т. 6. С. 14. Анненков не упоминал о «Белых ночах» в своем обзоре, так как статья писалась, видимо, до их появления в № 12 «Отечественных записок» за 1848 год (Егоров Б. Ф. П. В. Анненков — литератор и критик 1840—1850-х гг. // Труды по русской и славянской филологии. XI: Литературоведение. Тарту, 1968. С. 65).

⁴⁶ Майков В. Н. Указ. соч. С. 100.

⁴⁷ Там же. С. 74, 110.

⁴⁸ Ср. его статью «Стихотворения Кольцова» (Майков В. Н. Указ. соч. С. 171—175). Подробнее об эстетике Майкова см.: Богданова О. А. Указ. соч. С. 25—30.

⁴⁹ Автор установлен в статье: Фридрихендер Г. М. Статья Г. Геттнера в «Отечественных записках» 1847 г. // Русско-европейские литературные связи. М.: Л., 1966. С. 144—148.

⁵⁰ Отечественные записки. 1847. Т. 53. Отд. V. С. 2.

⁵¹ Там же. С. 10.

⁵² Подробнее об эстетических и историко-литературных трудах Геттнера см.: Пильн А. Н. Герман Геттнер // Геттнер Г. История всеобщей литературы XVIII в. 2-е изд. СПб., 1898. Т. 2. С. 1—XLVIII.

жественность, приносящих эстетические начала в жертву произвольным «идеям». ⁵² Пельцеев подразумевал, с одной стороны, утилитаризм Белинского, а с другой — фельетоны Дружинина. Эта позиция была характерна и для Достоевского, который в показаниях на следствии по делу петрашевцев утверждал, что «искусство не нуждается в направлении... что автор должен только хлопотать о художественности, а идея придет сама собой». Подчеркивая, что «это направление диаметрально противоположно газетному», ⁵⁴ Достоевский намекал, очевидно, на «временник» с его модными теориями.

Разное понимание художественности двумя журналами предвзодало и разный подход к изображению психических процессов. По мысли Майкова, современная психология доказала, что, как бы ни было воспалено воображение, оно «никогда не породит ничего такого, в чем бы не было хоть одной капли действительности». ⁵⁵ Изображенные «симпатически», т. е. с точки зрения общечеловеческой культуры сознания, эти процессы в высшей степени художественны. Для Белинского и Анненкова, наоборот, не все психические процессы подлежат изображению: требуется строгий отбор материала, основанный на «художническом чутье», а воспроизведение возможно только *извне*, объективированно. Вот почему Анненков так не нравились сумасшедшие герои Достоевского. ⁵⁷

Итак, новая редакция «Современника» пыталась любым способом дискредитировать эстетику Майкова и «сентиментальный натурализм». Для этого приобщались некоторые идеи Белинского, который первым выразил неудовольствие в отношении Достоевского и антропологическим космополитизмом Майкова. Вместе с тем сам поздний Белинский более не удовлетворял ожиданиям его учеников, поражая их резким изменением своей концепции. Одни, как Боткин, находили его недостаточным и требовали дальнейшего следования французским социальным теориям. Другие — Анненков и Дружинин — оценивали поворот как слишком радикальный. Третьи, как Некрасов и Панаев, вообще, видимо, не видели в сложный философский контекст, руководствуясь конкретными литературно-полемическими задачами. Однако в чем сходились все — так это в неприязни двойственности позиции позднего Белинского, неприятию его попытки приобщить гегельянскую теорию художественности к французским социалистическим веяниям. Оттого последние статьи Белинского и казались им такими противоречивыми и устаревшими. Признание первенства «художественности» соседствовало с требованием отражать «общественные вопросы» (10, 306). В. Майков иронически называл такую диалектику Белинского «дуализмом» — «сочетанием неслыханного» ⁵⁸ — и в своей антропологической эстетике был куда более последовательным. Ориентация на иную, антигегельянскую, эстетическую традицию позволила Майкову переосмыслить многие романтические категории — народность, тип, художественность.

Ученики же и друзья Белинского, вышедшие из гегельянских кругов 1830-х годов, оперировали его «критическим языком». Однако они также пытались переосмыслить многие понятия из его лексикона и даже ввести новые («реализм»), чтобы согласовать старый «язык» с новыми идейными течениями.

⁵² Санкт-Петербургские ведомости. 1847. № 95. Цит. по: Богданова О. А. Указ. соч. С. 13. Оба петрашевца сотрудничали в 1847 году в обновленных «Санкт-Петербургских ведомостях». См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 277.

⁵⁴ [Объяснение Ф. М. Достоевского] // Там же. С. 128—129.

⁵⁵ Майков В. Н. Указ. соч. С. 109.

⁵⁶ Анненков П. В. Критические очерки. С. 32.

⁵⁷ Характерно, что даже спустя много лет Анненков воспринимал эстетику Майкова как антиэстетику, «отложившую в сторону весь эстетический, нравственный и полемический багаж Белинского и за норму оценки произведений искусства принявшую количественно и качественно бытовых и общественных вопросов» (Анненков П. В. Воспоминания. С. 286).

⁵⁸ Майков В. Н. Указ. соч. С. 40.

этом свидетельствуют статьи Анненкова, Дружинина, Боткина и Некрасова в «Современнике» начиная с 1849 года вплоть до прихода в журнал Чернышевского в 1854 году. На первый взгляд кажется, что делалось это в чисто полемических целях, однако на самом деле теоретические и эстетические проблемы занимали притом отнюдь не меньше, чем конкретные обстоятельства полемики. Ведь сам выбор понятийного языка определяет и ориентацию на конкретные европейские теории, и стратегию журнала, и трактовку текущей литературы. Поэтому изучение некоторых закономерностей литературного процесса. Так, например, внимание на первый взгляд, к периферийному понятию «художественность» в критике конца 1840-х годов объясняет гораздо больше в полемике того времени, нежели понятие «натуральная школа», которое, взятое без оговорок, вообще непригодно для суждения литературы этого периода. ⁵⁹

Наконец, трактовка эстетических понятий Белинским и его кругом позволяет точнее описать литературную программу некрасовского «Современника». Сложное, далеко не всегда преемственное отношение молодых критиков к своему Учителю, как кажется, объясняет то, почему культ Белинского начал создаваться не сразу после его смерти, а только с середины 1850-х годов. Ученики, ведь напряженный диалог с Белинским, не стремились воздвигать ему памятники и в прямом, ⁶¹ и в переносном смысле. В этой связи хрестоматийные строки Некрасова 1853 года о «давно затерянной могиле», к которой «память друзей» не «проторила дороги», получают весьма конкретное истолкование.

Начав карьеру с заявлений о неактуальности своих предшественников, Белинский в 1848 году сам очутился в аналогичной роли «исписавшегося господина». Однако не менее существенно то, что в глазах последователей «нистовый Виссарион» к концу жизни, в соответствии со своей же типологией талантов, предстал неуправляемым гением, который «действует по вдохновению и прихотливо идет своею дорогою» (8, 379), не подчиняясь ни моде, ни расчетливой и стесненной цензурой тактике журнальной редакции. Такому гению едва ли могло найтись место среди множества «обыкновенных талантов», заселивших русскую литературу и «беллетристическую» эпоху.

⁵⁹ Следует оговорить, что такие понятия, как «художественность», «гений», «реализм», «народность» с учетом их европейских оригиналов, несомненно, могут рассматриваться как «основные эстетические понятия» для критики того времени. См. об этом: Vorwort / Ästhetische Grundbegriffe: historisches Wörterbuch in sieben Bänden / Hrsg. von Karlheinz Barck. Stuttgart; Weimar, 2000. Bd 1. S. VIII—IX.

⁶⁰ В этой связи показательным, что когда автор последней серьезной работы о «натуральной школе» О. А. Богданова решила выявить ее эстетическую сущность, то ей пришлось определять своеобразие литературных явлений, объединенных придуманной Булгаковым формулой, через другие, преимущественно эстетические понятия — «художественность», «реализм», «физиологизм» и т. п. (Богданова О. А. Указ. соч.).

⁶¹ Напомним, что могила Белинского оставалась затерянной на Волковом кладбище вплоть до 1856 года.

© Б. Ф. Егоров

ПАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ И ТРИАДЫ У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Ю. М. ЛОТМАНА

Приход ученых к структурированию мира прежде всего вызвал антиномию, контрасты двух противоположных явлений или понятий: материя — дух, свет — тьма, естественное — искусственное, движение — неподвижность. Особенно ярко